

Георг Тракль

ПСАЛОМ ОТРЕШЁННОГО

Избранные стихи
в переводах
Владислава Цылёва

18+

Георг Тракль
Псалом отрешённого

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Тракль Г.

Псалом отрешённого / Г. Тракль — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Георг Тракль (1887-1914) - австрийский поэт, визионер и наркоман, которого можно с уверенностью отнести к «проклятым» поэтам. Магия его стиха не поддаётся «расшифровке». Лирический мир находится по ту сторону безумия. Предлагаемая подборка переводов, содержащая 27 стихотворений и несколько фрагментов из стихопрозы поэта, конечно же, не «исчерпывает» всего Тракля и носит, в первую очередь, ознакомительный характер. Тем не менее, даже искушённый читатель, хорошо знакомый с творчеством Тракля, вынесет для себя немало нового из представленных переводов.

Содержание

ИНТОНАЦИЯ ГЕНИЯ	5
Вводные замечания от составителя и переводчика	8
В ОГНЕДЫШАЩИХ ЛИВНЯХ ПОЛУНОЧИ	9
Рождение	10
Детство	11
Часословная	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Георг Тракль Псалом отрешённого

ИНТОНАЦИЯ ГЕНИЯ

Несмотря на то, что лирическое наследие Георга Тракля уже более полувека как канонизировано, а сам поэт безоговорочно причислен к «лику» величайших поэтов 20-го столетия,¹

¹ Судьбоносной вехой на пути признания литературного наследия Тракля стало академическое издание его произведений в двух томах «Georg Trakl: Dichtungen und Briefe» (Salzburg: Otto Muller), выпущенное под редакцией Вальтера Килли (Walther Killy) и Ганса Шкленара (Hans Szclenar) в 1969 году в Австрии.

его настоящая биография – без красноречиво зияющих белых пятен! – без сомнения, ещё не написана, а поэтика его «потусторонних» прозрений и снов не разгадана. При всём обилии трудов и штудий, посвящённых Траклю, его феномен, и как личности и как поэта, по целому ряду «неудобных» вопросов до сих пор не поддаётся сколь ни будь однозначной «расшифровке»: например, нет единого мнения о том, был ли поэт психически здоров или всё таки страдал одной из форм шизофрении – особенно в последний период своей жизни²; состоял ли он в кровосмесительных отношениях со своей младшей сестрой Гретой, к которой он испытывал необычайно сильную привязанность и глубокие чувства, или предавался любовному роману с ней только в поэтических грёзах³; оборвал ли он свою жизнь преднамеренно – под давлением невыносимых психологических обстоятельств, или случайно принял смертельную дозу кокаина в краковском военном госпитале, куда он был помещён, чтобы пройти обследование в качестве «психиатрического» пациента⁴ после перенесённого им психологического шока под Гродеком⁵. И, наконец, если говорить о лирических откровениях Тракля, наивысшие взлёты его поэзии – это бред расшатанной психики алкоголика и наркомана или экстатические озарения духовидца и пророка?

«Terra incognita» парадоксального мироощущения Тракля оказалась неприступной крепостью для широкого круга исследователей его творчества – от клиницистов до философов – и благодатной почвой для разного рода теорий с их стороны. Из «хаоса ритмов и образов» Тракля построено немало «стройных» систем в надежде «объяснить» «гениальное» безумие поэта и пролить свет в темноту его опозитизированных грёз. Но замкнутый в себе лирический мир Тракля с маниакальным упорством доказывает, что мудрость его «не от мира сего» и отказывается говорить с любой человеческой логикой на языке смыслов. Философ Мартин Хайдеггер хотя и допустил возможность «диалога между мышлением и поэзией», согласился с тем, что когда мы слушаем Тракля, надо «расстаться со всякой претензией на непосредственное понимание»⁶ его поэзии. Чувствуя своё интеллектуальное бессилие, некоторые исследователи пришли к экстраординарному выводу, что надо «заразиться» безумием, чтобы по настоящему понять «сумеречное» сознание поэта.

При всём многообразии суждений о поэзии Тракля, пожалуй, самый лаконичный и при этом убедительно правдивый отзыв о стихах Тракля оставил его друг – философ Людвиг Витгенштейн, который откровенно признался: «Они вне моего разума, но их интонация переполняет меня счастьем. Это интонация воистину гения». После многократных и безуспешных попыток аналитически разобраться в фантазмагорическом калейдоскопе образов Тракля на основе логических форм языка, Витгенштейн сделал в своём дневнике потрясающую запись о метафорическом мышлении поэта: «В действительности, имеет место невыразимое. Оно манифестирует себя, это явление мистическое».

Именно эта загадочная манифестация духа поэта, которая так обостренно ощущается в сновидческих прорицаниях Тракля, – призрачным эхом доносящаяся из области потустороннего и одновременно отступающая в тишину невыразимого, – и производит на слушателей своё неизгладимое и даже более – мистическое! – воздействие.

² О чём свидетельствовало предварительное заключение армейских врачей военного госпиталя г. Кракова.

³ Переписка между Георгом и Гретой, которая могла бы «поставить точку» в этом вопросе, исчезла при загадочных обстоятельствах.

⁴ Близкий друг Тракля, его издатель и меценат Людвиг фон Фикер считал, что Тракль стал жертвой принудительного психиатрического лечения, которое неизбежно усугубило его психическое расстройство.

⁵ Гродек – местечко в Галиции, где во время Первой мировой войны в октябре 1914 г. произошло крупное сражение между русской и австрийской армиями. Тракль был мобилизован в качестве военного фармацевта и оказался на смертоносных полях этого сражения: в результате царящей неразберихи он был вынужден в одиночку – ввиду нехватки полевых хирургов – в течение двух суток заботиться о почти сотне тяжело раненых, которых сносили страдать и умирать в обычный амбар. На одном из привалов во время отступления австрийских войск Тракль предпринял неудачную попытку застрелиться,

⁶ Эта цитата из доклада Мартина Хайдеггера «Время и бытие» дана в переводе В.Бибихина.

Поэтика Тракля настолько темна, что при её «разборе» даже самому вдумчивому и пытливному читателю порою решительно не на что «опереться». В ней нет и не может быть ничего раз и навсегда установленного – «кармический» ветер перемен в галлюцинирующем потоке сознания поэта неумолим: привычные связи неизбежно разрушаются и возникают новые – самые неожиданные. И всякий раз, прикасаясь к таинству траклевских метаморфоз, читатель вынужден разрешать одну и ту же дилемму, невольно возникающую перед ним – что же представляется ему на самом деле: игра болезненного воображения, способного порождать только распад и бесплодное взаимодействие случайных символов, которые лишь «притворяются» образами действительности, или долгожданное откровение, несущее в себе знаки грядущего, ещё не распознанного завета.

Касаясь проблем перевода герметичной траклевской поэтики, особенно позднего её периода, невозможно не отметить главную лирическую загадку, которую оставил нам Тракль – обворожительную уникальность звучания его поэтический речи, гипнотическую вибрацию его стиха, болезненную прелесть интонации, которые, конечно же, не сводятся только к «мерцающей» семантике его образов, или к замысловатому синтаксису письма или неожиданным метафорам и фигурам речи, а проистекают из глубинной и неведомой нам области души поэта.

Но передаётся ли поэтическая интонация на другой язык? Сохраняются ли при этом её «мелодические подъёмы и спады»⁷, чарующий звук, магическая вибрация речи? Другими словами, «переводима» ли душа?

Остаётся только надеяться, что, несмотря на неизбежные утраты, присущие самой природе перевода, неповторимый лирический голос Тракля будет услышан сердцем читателя, ибо интонация голоса настоящего поэта, уходящая к истокам, затерянным в бесконечном, без сомнения, рождена до всякого слова и имеет силу превыше мышления.

⁷ «Мелодические подъёмы и спады» – это то, что словам поэта Райнера Мариа Рильке, поразило его в первую очередь, когда он познакомился со стихами Тракля.

Вводные замечания от составителя и переводчика

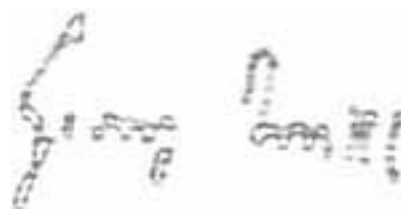
Настоящее электронное издание носит, в первую очередь, ознакомительный характер и поэтому содержит относительно небольшой свод переводов: 27 стихотворений, относящихся к «зрелому» периоду творчества Тракля, а так же несколько фрагментов из стихопрозы поэта. Заинтересованный читатель может дополнительно познакомиться с моими переводами, опубликованными в альманахе «У Никитских ворот» (№1, 2019 г.).⁸

Важно отметить, что все иллюстрации в представленной книге выполнены мной собственноручно, а деление книги на главы условно и предпринято для удобства восприятия стихотворных текстов.

Известно, с какой щепетильностью Тракль вычитывал гранки своих произведений, обращая особое внимание на сохранение всех нестандартных приёмов своей авторской пунктуации. Поэтому в своих переводах я старался следовать оригинальному тексту и не злоупотреблять «лишними» знаками препинания, сохраняя, по возможности, верность правилам русской грамматики.

⁸ Выпускается издательством «У Никитских ворот» и МГО СП России.

В ОГНЕДЫШАЩИХ ЛИВНЯХ ПОЛУНОЧИ

ж

Рождение

Geburt

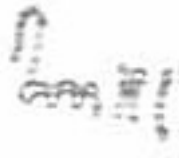
Цепи гор: чернота, безмолвье и снег.
Красная из чащобы в долину устремляется травля;
О, мшистый взор лани.

Тишь материнская; в черном сумраке елей
Распростерты дремотные длани,
Когда на ущербе месяц холодный сияет.

О, человека рожденье. Трепещет в ночи
Родник голубой в расщелине скал;
Потрясенный падший ангел зрит свое отраженье,

Пробуждается очертание Бледное в затворе глухом.
Две луны
Два ока сверкают окаменевшей старухи.

О горе, схваточный вопль. Черным крылом
Ночь виски обвивает младенца,
Снег, что с пурпурного облака осыпается тихо.

Детство

Kindheit

Ягодный рай бузины; безоблачно детство таилось
В лазурной пещере. Теперь над тропинкой заброшенной,
Где дикие травы ржавея вздыхают,
Ветви свисают в раздумьях притихшие; шепчутся листья,

Словно воды поют голубые в расщелине скал.
Нежны плачи дрозда. Приумолкший пастух
Солнце вдаль провожает, что по склону осеннему катится.

Голубое мгновение – в нём вся душа без остатка.

Проступает пугливая лань на опушке лесной
И покоятся с миром в долине
Колокольни старинные, деревушки угрюмые.

Всё смиренней теперь постигаешь промысел сумрачных лет,
Прохладу и осень келий пустынных;
И в священной лазури отдаётся со звоном светоносная поступь.

Тихо мается створка в окне приоткрытом; и слёз не сдержать
При виде погоста на всхолмье ветшающего,
Поминаешь былое, преданья изустные;
но, бывает, душа просветлеет нечаянно,
Вспоминая улыбку на лицах людей,
дни весенние в сумрачном золоте.

Часословная

Stundenlied

Темными взорами созерцают друг друга влюбленные,
Златокудрые, лучезарные. В стынущем мраке
Истосковавшиеся руки сплетаются в хрупких объятьях.

Пурпурно разорваны благословенных уста.
В очах округлённых
Темное злато весны отражается после полудня,
Опушка лесная и чернота, тревоги вечерние в зелени;
Быть может невыразимое птичье круженье, Нерожденного
Путь мимо мрачных селений, вдоль одинокого лета за летом
А порой из голубизны угасающей проступает
очертанье Отжившее.

Тихо шепчутся в поле колоски золотистые.
Жизнь сурова и взлетают размашисто
крестьянские косы стальные,
Плотник обтесывает бревна могучие.

Нарядилась пурпурно в осеннюю пору листва; монашеский дух

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.